

A movie poster for the film 'Anna Knyazeva'. The background is a misty, autumnal scene by a lake. In the foreground, a woman with dark hair tied back, wearing a dark trench coat, stands with her back to the camera, looking across the water. A long red ribbon is draped across the ground from her feet towards the water. In the middle ground, a man in a blue jacket and jeans stands on a wooden pier or dock. To the left of the pier is a rusted metal structure with a small cabin and a tall mast. The water is calm, reflecting the misty sky and the trees on the far shore. The overall mood is somber and atmospheric.

*АННА
КНЯЗЕВА*

**ЛИЧНОЕ
ДЕЛО
*СТЕРХОВОЙ***

Анна Стерхова. Расследование архивных дел

Анна Князева

Личное дело Стерховой

«Автор»

2026

Князева А.

Личное дело Стерховой / А. Князева — «Автор», 2026 — (Анна Стерхова. Расследование архивных дел)

Двадцать три года Анна Стерхова жила с уверенностью, что знает, как погиб Валя Белецкий — парень, которого она любила в семнадцать. Все началось с их последней ссоры. Анна уехала с лодочной станции, Валя остался. Через несколько дней его тело нашли в реке. В материалах проверки появилась сухая формулировка: «После ссоры с девушкой остался один». Так чужая версия стала официальной правдой, а для Анны — приговором, с которым пришлось жить. Спустя двадцать три года мать Вали встречает ее во дворе и дает пощечину. — Ты научилась с этим жить? А моего сына — нет. Теперь Анна — подполковник, расследующий старые преступления. Она открывает архивное дело и понимает: прошлое было записано не так, как происходило на самом деле. В папке не сходится количество листов. Свидетели помнят одно и то же по-разному. Последний маршрут Вали ведет вверх по реке. На старом катере остаются следы, которым никто не дал объяснения. А бывшая школьная подруга Анны случайно произносит два слова, после которых прежняя версия рассыпается. Чтобы понять, что произошло в ту ночь, Стерховой придется вернуться туда, откуда она когда-то уехала, — к лодочной станции, старым друзьям, первой любви и той семнадцатилетней девочке, которой она была. Потому что иногда самое трудное — признать, что ты все эти годы помнила не то. «Личное дело Стерховой» — психологический детектив о первой любви, памяти, вине и прошлом, которое оказалось совсем не таким, каким его помнили.

© Князева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Князева

Личное дело Стерховой

Все персонажи и события романа вымышлены, любые совпадения случайны.

Пролог

Во дворе пахло бензином и пылью. Осень выдалась сухой. Опавшие листья лежали не как попало – дворник сгреб их в неровную гряду, но почему-то не вывез.

Стерхова шла вдоль припаркованных машин к подъезду, где жила ее мать. Белецкую заметила задолго до того, как та подняла голову. Она стояла у скамейки и держалась за спинку, будто хотела сесть.

Сентябрь еще не выстудил Москву до настоящего холода, но Ирина Михайловна была одета в пуховик. Волосы покрашены в темный цвет, у корней проступала седина. Лицо постарело: веки отяжелели, подбородок заострился и морщины сделались глубже.

Анна узнала ее не по лицу, а по тому, как она заправила за ухо прядь волос. То самое движение, которое врезалось в память на похоронах Валентина.

Расстояние между ними медленно сокращалось, и было уже поздно сворачивать или делать вид, что они незнакомы.

Белецкая смотрела на нее.

Стерхова подошла.

– Здравствуйте, Ирина Михайловна.

Женщина шагнула навстречу и ударила ее по лицу.

Анна пропустила удар не потому, что не увидела замаха, а потому, что не поверила в реальность происходящего. Ее голова откинулась назад. Клацнули зубы.

Веки опустились и снова поднялись – за один замедленный миг она успела почувствовать запах сигареты: кто-то недавно курил на лавочке, окуроч на асфальте еще дымил. Увидеть, как захлопнулась дверь подъезда, как остановился мальчишка на велосипеде.

Щека загорелась.

Белецкая чуть подалась вперед. Рука, нанеся удар, замерла на уровне груди.

– Ты научилась с этим жить? – Ее голос был негромким, без истерики. – А моего сына – нет.

Стерхова не смотрела ей в глаза. Смотрела в переносицу. Так было легче.

В ее груди будто нарушилась герметичность – воздух входил не до конца и застревал где-то под ребрами.

Она хотела сказать что-то ровное, процедурное, следовательское, то, что вернет их в безопасное русло. Но слова не сложились, и она подавила это желание.

Ирина Михайловна моргнула. Глаза были светлыми, водянистыми. Она смотрела на Анну, ожидая реакции.

Но та молчала.

Белецкая покачнулась и втянула воздух, словно собиралась что-то сказать. Губы шевельнулись, и Стерхова услышала только начало слова – не «прости», не «почему».

А что-то другое.

Ирина Михайловна развернулась и пошла к подъезду. Дверь с жесткой пружиной впустила ее внутрь и резко захлопнулась.

Анна стояла, не двигаясь.

Мальчишка на велосипеде уехал. Окуроч на асфальте погас. За мусорными баками визжала сигнализация.

Щека все еще горела.

Стерхова ощутила боль. Ту, что приходит, когда бьют не только рукой – словами и ненавистью. Такая долго не утихает.

Белецкая не сказала «из-за тебя» или «ты виновата». Она сказала: «Ты научилась с этим жить».

В ее словах было не только обвинение, но и что-то еще – не сказанное прямо, но уже вошедшее в Стерхову, как заноза.

Глава 1

Остался один

Лестничная клетка сталинского дома была обычной: потертые ступени, местами облупившаяся краска, неяркий свет под потолком.

Стерховой предстояло подняться на четвертый этаж, нажать на звонок и дожидаться, пока откроется дверь. А потом сделать вид, что ничего не случилось.

На один пролет она поднялась машинально. На площадке между первым и вторым этажом остановилась.

В квартире ее ожидала мать. Кофе уже стоял на плите. Вопросы были наготове: как доехала, не замерзла ли, что у нее нового.

Анна представила, как войдет, снимет пальто, поставит сумку. Пройдет на кухню. Мать скажет: «Что-то ты бледная». Она ответит: «Все нормально», сожмет в руках кружку и сделает вид, что десять минут назад ее не ударила мать Валентина – человека, которого она когда-то любила.

Стерхова постояла еще несколько секунд, чувствуя напряжение в затылке. Потом медленно выдохнула, развернулась и стала спускаться вниз.

Она не бросилась к выходу и не сбежала по ступеням. Двигалась ровно, не торопясь. Когда вышла на улицу, во дворе уже горели фонари, и небо над крышами стало тяжелым, сизым, давящим.

Анна поправила шарф и пошла к своему дому.

В ушах еще звучал голос Белецкой – негромкий, без интонации:

«Ты научилась с этим жить? А моего сына – нет».

Это не было вопросом. Скорее утверждением.

Стерхова шагала, прижимая к себе сумку. Смотрела под ноги, не поднимая головы. Ветер трепал полы пальто. По асфальту шуршали желтые листья.

Фраза Белецкой возвращалась снова и снова. Анна безмолвно повторяла ее, делала паузы, переставляла акценты, вслушивалась в каждое слово:

«Ты – научилась – с этим – жить».

Вспомнился запах цветов и сырой земли – тот день, когда она стояла у гроба и смотрела на закрытую крышку. За спиной шептались: «из-за нее», «не уберегла», «если бы не уехала...».

Все это было.

Но теперь в голосе Белецкой прозвучало что-то другое. Слишком ровное для истерики. Слишком точное для обычной материнской ненависти.

Анна тряхнула головой, избавляясь от наваждения.

Дойдя до дома, поднялась на лифте, достала из сумки ключи. Замок щелкнул, дверь открылась.

Свет с лестничной клетки упал на паркет, на коврик, на край вешалки. Анна шагнула в прихожую и закрыла за собой дверь.

Секунду постояла в темноте. Потом включила свет. Сняла пальто, аккуратно повесила на плечики, поправила воротник.

Закрyla дверцу шкафа. Поставила сумку на тумбу, рядом положила телефон.

Она действовала точно и последовательно – не потому, что думала о порядке, а потому что порядок оставался единственной гарантией того, что она не провалится туда, куда ее толкнула Белецкая.

Пальто, телефон, дверца шкафа – за это можно было держаться, пока внутри поднималось то, к чему она не прикасалась годами.

Анна прошла в ванную. Открыла кран, намылила руки. Тщательно смыла пену, взяла полотенце. Пошевелила пальцами, чувствуя, как в них возвращается жизнь.

Взгляд упал на запотевшее зеркало, где проступало ее отражение. На щеке еще краснел след от пощечины – припухший, неровный, расплывавшийся к виску.

Болело не лицо. Лицо пройдет, след побледнеет. Пощечина Белецкой пробила стену, которой Анна отгородилась от боли и того июня, когда погиб Валя.

Стена оказалась тоньше, чем ей казалось.

Стерхова отвернулась от зеркала и прошла на кухню. Включила чайник, достала кружку, положила пакетик чая.

За окном давно стемнело. Фонарный свет лег на столешницу желтым квадратом. Соседи за стеной смеялись, двигали стулья, звякали посудой. Там продолжался обычный семейный вечер.

«Ты научилась с этим жить?»

Теперь Анна знала ответ на вопрос Белецкой: она научилась не умирать. Не проваливаться снова и снова в ту ночь и в то страшное утро. Научилась не произносить его имени: Валя. Валька. Не вспоминать, как он говорил и смеялся, запрокинув голову.

Ей было проще разбирать чужие дела, чем дело Вали – нераскрытое, не названное преступлением. В нем не было состава, чтобы предъявить правосудию. Не было подозреваемых, которым можно задать вопросы. Не было версии, за которую можно зацепиться не памятью, а законом.

Был только Валя. Речная вода. И боль, которую она не забыла.

Чайник вскипел, щелкнул и выключился, но Анна не двинулась с места. Сидела, сжимая пустую кружку, и смотрела в оконную темень.

Потом поднялась, включила свет и принесла картонную коробку. Поставила ее на кухонный стол. Картон пожелтел, углы обтрепались, крышка держалась на честном слове и старом скотче.

Стерхова знала, с чего начать. Не с обвинений и не с жалости к себе. Не с той версии, которую когда-то озвучили взрослые. Ей предстояло вернуться в то лето не затем, чтобы вновь его пережить. А чтобы отделить то, что она запомнила, от того, что ей потом навязали.

Анна достала из сумки блокнот и ручку. В этот момент раздался звонок. Она поднесла телефон к уху, не посмотрев на экран.

– Аня, я видела тебя из окна. – Голос матери звучал без вопроса. Она просто констатировала факт. – Почему не зашла?

Стерхова выровняла голос, как делала это на допросах: без нажима, без лишней мягкости.

– Я встретила Белецкую.

На том конце стало тихо. Мать задышала мельче, будто боялась выдать свою реакцию.

– Значит, вернулась...

– Я не видела ее с того самого дня, – сказала Анна.

– Вы говорили?

– Да.

– Она тебя спрашивала?

– О чем?

Мать молчала.

Стерхова знала, что означало это молчание: мать сидела у окна, держала телефон у щеки и смотрела во двор. Кофе давно остыл. Вопросы, которые она приготовила, остались незадавленными.

– Надеюсь, что ты в порядке, – сказала мать. Голос был глухим. Так она говорила перед тем, как заплакать.

– Я в порядке, – ответила Анна.

Мать коротко вздохнула, будто хотела возразить, но передумала.

– Завтра придешь?

Анна посмотрела на блокнот. На свою фамилию в верхнем углу, больше похожую на служебную отметку, чем на часть ее жизни.

– Приду.

Мать помолчала еще несколько секунд. Потом коротко бросила:

– Жду.

И отключилась.

Стерхова положила телефон на стол экраном вверх. Посмотрела в черное стекло, где отражались лампа, стены и ее лицо – плоское, бледное, неподвижное.

«Значит, вернулась...»

Она повторила про себя эту фразу. Не удивление, не вопрос. Сразу вывод.

Анна придвинула коробку и сняла с нее крышку. Внутри лежали фотографии и вещи из прошлого. Старый конверт, газетная вырезка, сложенная вдвое записка на тетрадном листе в клетку. Красная лента. Та самая, с ярмарки, которой Валя связал их руки, когда им было по семнадцать.

Все, что было в коробке, Анна разложила на столе. Фотографии – в левую стопку. Записку, вырезку и конверты – в правую. Ленту положила в сумку.

Из левой стопки взяла фотографию Вали и перевернула. На обороте был его почерк – торопливый, с наклоном влево, крупными буквами. И только одно слово:

«Обещай».

Она не помнила, что именно Валя имел в виду. Не помнила день, когда он подписал фотографию. Осталось только слово.

Стерхова отложила фотографию и взяла из правой стопки записку. Бумага пожелтела, сгиб протерся. Развернула листок и вспомнила, что Валя передал ей эту записку после экзамена. Подошел и вложил в учебник.

Несколько строк были написаны синими чернилами:

«Не сердись. Поговорим на лодочной».

Ниже – небольшая приписка наискось, будто он дописал ее на ходу, торопясь:

«Только не решай все за нас».

Анна закрыла глаза и прижала к ним ладони. До боли. С ней было легче.

Она увидела Валу.

Он сидел на бетонной плите у лодочной станции, подтянув колено к груди, и смотрел на темную воду. Ветер трепал светлые волосы, и он откидывал их движением головы. На нем была та самая синяя куртка со сломанной молнией. Валя дергал бегунок вверх и вниз, но тот застревал на одном и том же месте. Анна злилась: «Оставь его в покое». А он улыбался и снова тянул бегунок, будто однажды молния должна была подчиниться.

Не «погибший». Не «сын Белецкой». Не тот, о ком потом говорили шепотом.

Просто Валя – худой, смешливый, нескладный, с привычкой улыбаться даже тогда, когда его обижали.

Он чиркнул спичкой. Огонек затрепетал в его руках, осветив лицо – живое, совсем не такое, как на поминальной карточке.

– Ты опять все решила за нас, – сказал он тихо.

Ей казалось, что он обижен. Но Валя никогда не показывал обиду, просто замолкал. Она не умела уступать, и тогда ей было проще уйти, чем остаться.

Анна ушла, не поцеловав его на прощанье. Ей было семнадцать. И она еще не знала, что последнее прощание не объявляют заранее.

Валентин стоял у бетонной плиты и смотрел ей вслед.

– Я все равно тебя вижу, Ань.

Она обернулась, когда между катером и пирсом уже лежала широкая полоса воды. Успела увидеть его фигуру, синюю куртку и руку, поднятую в отчаянном жесте – «я буду здесь».

Стерхова открыла глаза, возвращаясь в реальность. Щека уже не горела, но стены помнили чужое присутствие. Только что Валя был здесь – и вдруг растворился.

«Я все равно тебя вижу».

Он всегда прощал ее раньше, чем она успевала его обидеть. Тогда она принимала это за слабость. Теперь понимала: он просто не хотел тратить время на обиду.

Валя не собирался умирать. В его последнем жесте была надежда на то, что она вернется. А если не вернется – они поговорят и помирятся завтра.

Человек, который машет с пирса, не прощается. Он ждет ответа.

Анна взяла газетную вырезку. Заметка была небольшой, на полторы колонки, с черно-белой фотографией лодочной станции – той самой, которую они считали своим местом. В кадр попали бетонный пирс, ржавые конструкции и темная вода, отражавшая облака.

Текст начинался со слов: «Семнадцатилетний юноша...» Далее: «несчастный случай» и «обстоятельства выясняются». Но только одна фраза застряла в памяти тогда и не отпускала до сих пор:

«После ссоры с девушкой семнадцатилетний юноша остался один на заброшенной лодочной станции».

Она перечитала фразу несколько раз, будто надеясь найти в ней ошибку. Сначала решила: журналист перепутал факты. Потом поняла – кто-то сказал ему неправду.

На лодочную станцию они приплыли на катере. Вся компания, шесть человек: Ричи, Женя, Катя, Игорь и они с Валькой.

Вечером сидели у костра, пили дешевое пиво, слушали музыку.

Утром она уехала. Ричи, хозяин катера, переправил ее на другой берег. Он точно знал: Валя остался на лодочной не один.

Стерхова снова посмотрела на газетную вырезку.

«...остался один на заброшенной лодочной станции».

Это был не слух. Не ошибка. Не чья-то догадка. Кто-то сообщил это журналисту. И версия была ложной.

Стерхова отложила вырезку. Открыла блокнот на чистой странице. Взяла ручку и написала:

«Кто сказал, что он остался один?»

С этого вопроса начиналось дело Валентина Белецкого.

Глава 2

Конфликт интересов

В тот день Стерхова пришла в управление рано. Коридоры еще не наполнились голосами, шагами и телефонными разговорами.

Она сняла пальто, повесила в шкаф. Села, включила компьютер. Смотрела в серый, еще не проснувшийся экран.

Ее кабинет в управлении был похож на пункт временного пребывания.

Подоконник покрывал тонкий слой пыли, на котором пальцы оставляли четкие следы. На полу стоял цветок в горшке – когда-то фикус, теперь бурая коряга с облетевшими листьями. Анна подумывала о том, чтобы его выбросить, но рука не поднималась.

Стены были голыми. Ни фотографий, ни календаря, ни стикера с памяткой – ничего, что выдавало бы присутствие живого человека.

В углу стоял серый сейф. На краю стола – стопка папок, с которыми в ее отсутствие работал другой сотрудник. На верхней – наклейка с надписью от руки: «До приезда Стерховой А.С.».

Чужие дела, чужая ответственность. Она же в собственном кабинете была только гостем.

Вчерашняя пощечина возвратилась не болью, а словами Белецкой. Стерхова не дала им развернуться. Поставила курсор в первое поле.

Программа запросила пароль. Она ввела комбинацию цифр, которую помнила, хотя использовала очень редко. Рабочее место в управлении было номинальным, большую часть времени Анна проводила в командировках. Но сегодня этот казенный, чужой кабинет с засохшим цветком был очень нужен.

Она вошла в учетную ведомственную систему – интерфейс образца середины двухтысячных: неудобный, с мелкими полями и вечными сбоями. Пальцы замерли над клавиатурой.

С чего начать?

С фамилии. С года. С района.

Стерхова ввела: Белецкий, 2003, район лодочной станции.

Программа выдала пустой результат – ни одной карточки.

Анна убрала фамилию. Оставила год и место, добавила: несовершеннолетний.

Ничего.

Старые материалы редко находятся там, где их ожидают найти. Виной тому были небрежная регистрация и чья-то недобросовестность. Если труп нашли ниже по течению, в карточке мог значиться совсем другой район. Или материал вообще мог не попасть в базу, если проверку проводили формально.

Стерхова поменяла параметры поиска.

2003 – лодочная станция – утопление – несовершеннолетний.

Запрос обрабатывался десять секунд, не меньше, потом на экране появились три результата. Два – не те. Третий открылся кривой ссылкой, уведившей в другой раздел. Анна перешла по ней и оказалась в карточке КУСП – книге учета сообщений о происшествиях.

Заявление Белецкой И.М. о безвестном исчезновении несовершеннолетнего сына.

Она пробежала глазами поля: дата, время, адрес, обстоятельства. Внизу – приписка: «Связанный материал – учет № 04–587/2003». Стерхова кликнула по номеру.

Система перекинула ее на вторую карточку.

Обнаружение трупа в воде. Проверка.

Принятое решение: отказ в возбуждении уголовного дела.

Основание: признаки криминального характера смерти не установлены.

Предварительная версия: несчастный случай на воде.

Она смотрела на экран, не моргая. Внутри что-то сжалось – странное напряжение, когда чутье подсказало: здесь что-то не так.

Она открыла соседние поля.

Номер. Дата. Исполнитель. Решение.

В реквизитах не было ни Белецкой, ни вчерашнего удара, ни Вали у темной воды. Но были данные, с которыми можно было работать.

Карточка открылась не полностью – система показала только регистрационные поля: номер, дата, исполнитель – капитан Ткачев В.М. И короткое описание события, вбитое в графу «Обстоятельства» тем, кто заполнял документ двадцать три года назад.

Стерхова прочитала его внимательно.

Потом – второй раз, медленнее, вглядываясь в каждое слово.

«После ссоры с девушкой остался один на территории заброшенной лодочной станции, где при неустановленных обстоятельствах упал в воду...»

Она замерла.

Рука, лежавшая на мышке, не двигалась. Курсор застыл посередине экрана. Анна смотрела на описание события пустым, немигающим взглядом. Слова. Те же самые, что в газетной вырезке.

«После ссоры с девушкой остался один...»

Газетчики не придумали эту фразу. Они опубликовали ее с уверенностью, которую дает служебная записка.

Стерхова почувствовала, как в груди что-то сместилось. Воздух стал плотнее, его приходилось проталкивать в легкие.

Она моргнула. Разжала пальцы, которые машинально сжала в кулак. Выдохнула, пытаясь возвратиться к процедуре. Заставила себя снова посмотреть на экран.

В карточке не хватало данных: где именно обнаружено тело, кто проводил осмотр, проводилась ли судебно-медицинская экспертиза. И главное: кто подтвердил, что Белецкий остался на лодочной станции один.

В графе «Хранение» стояло:

Архив.

Номера уголовного дела не было – только учетный номер материала. Не было и фамилии того, кто утверждал отказ. Ничего, кроме формулировки, которая назначила Анну причиной смерти любимого человека.

Раздражение поднялось откуда-то изнутри – не на систему, и не на пустые поля. На себя, за то, что еще раз позволила себя ранить.

Для получения материалов из архива нужен запрос с резолюцией начальника отдела. Но Савельев может не подписать. Он сразу все поймет, за архивным номером заметит ее саму, вписанную в эту историю.

Конечно, у нее было основание – регистрационная ошибка в формулировке обстоятельств события. Двадцать три года назад капитан Ткачев внес в карточку формулировку, которая выглядела как установленный факт. Но в доступных полях не было ссылки на объяснение, протокол или иной документ, из которого следует, что Белецкий действительно остался один. Без такого основания формулировка была не фактом, а удобной версией, занесенной в учет.

Стерхова открыла чистый лист в текстовом редакторе. Пальцы забегали по клавиатуре.

«Начальнику отдела...»

Она писала служебную записку. Сухую, формальную, не допускавшую двусмысленности.

«Прошу запросить из архива материал проверки № 04–587/2003 за 2003 год в связи с необходимостью проверки законности и обоснованности принятого процессуального решения».

Анна откинулась на спинку стула и снова посмотрела на экран. Курсор мигал в конце последней строки, приглашая продолжить, но она не стала ничего добавлять.

Лишние слова были не нужны. Только подпись и дата.

Теперь у нее была не только вчерашняя пощечина и старая газетная вырезка. У нее был номер материала, архивная отметка и служебная строка, в которой ошибочная версия прикинулась фактом. Этого было мало для вывода. Но достаточно для того, чтобы затребовать архивный материал.

Стерхова распечатала лист, вложила его в папку. Поправила воротник и вышла из кабинета.

В коридоре было многолюдно, сотрудники расходились по кабинетам, переговаривались у кулера. Она прошла к лестнице, спустилась на второй этаж.

Кабинет Савельева располагался в центре коридора. Дверь была приоткрыта.

Анна постучала.

– Да, – послышалось изнутри.

Она вошла. Закрыла за собой дверь – плотно, до щелчка.

В кабинете пахло табаком. Не свежим, а заветренным, въевшимся в бумаги и в шторы. Савельев сидел за столом. Перед ним лежала стопка дел. В каждом – желтые закладки, торчавшие из папок, как заячьи уши из травы. Рядом – ручка, очки и кружка с чаем.

Он поднял глаза, кивнул без удивления, без лишних приветствий.

– Анна Сергеевна. Редкий гость. Когда убываешь в Краснодар?

Она положила перед ним служебную записку. Савельев взял лист, пробежал глазами, нахмурился.

– Старый отказной материал? – спросил, не поднимая головы.

– Да.

– Какое отношение к тебе?

– Личное, – сказала Стерхова.

Савельев поднял на нее глаза.

В кабинете на секунду стало тихо. За дверью ходили люди и зазвонил чей-то телефон.

– Личное – это не основание, – сказал он. – Иными словами, хочешь остаться в Москве?

– Хочу. Вавилов знает краснодарский материал не хуже меня. В командировку можно послать его.

– Кого послать мы найдем... – Савельев перечитал записку. – Что значит личное? Объясни.

– Я была там. Уехала до того, как погиб Белецкий.

– Та девушка, с которой он поссорился?

– Да.

– Ты понимаешь, что не можешь вести это дело?

– Понимаю. Поэтому не прошу поручить его мне.

– А что просишь?

– Разрешить ознакомиться с архивным материалом. Только с материалом. Без процессуальных решений с моей стороны.

– Зачем?

– В учетной карточке стоит формулировка: «после ссоры с девушкой остался один». Я знаю, что он остался не один. Там были еще четверо.

– Их имена известны?

– Я знаю всех. Прошу оставить меня в Москве и дать возможность ознакомиться с материалом. Если в материале есть объяснение, которое подтверждает эту формулировку, вопрос будет закрыт. Если нет – отказное решение могло быть построено на версии, искажающей факты.

- И ты считаешь, что спокойно сможешь работать?
- Спокойно – нет. Точно – да.
- Савельев поднялся с кресла и подошел к окну. Глядя на улицу, снова заговорил:
- Не мне тебя учить, но должность обязывает. Хочу обозначить риски. – Он обернулся.
- Во-первых, конфликт интересов. Для тебя это дело личное...
- Прошло двадцать три года, – заметила Анна.
- Полковник вытянул руку, словно предупреждая.
- Дай продолжить. – Он возвратился в кресло. – Во-вторых – дистанция. Ее ты потеряешь раньше, чем это заметишь. Третье – любая твоя подпись или решение станет поводом для жалоб: она давила, мстила, прикрывала свое прошлое.
- Стерхова стиснула пальцы и глубоко вдохнула.
- Если в учетном материале записана ложная версия, это не вопрос моего прошлого. Это вопрос качества процессуального решения.
- Савельев взял в руки записку.
- Предлагаю альтернативу: передаем проверку другому следователю, а тебе оставляем ограниченное участие или полностью выводим из дела.
- Она покачала головой.
- Я понимаю риски. Личную вовлеченность от процессуального статуса отделяю. Но именно я нашла основания для проверки. Никто не выполнит эту работу лучше меня.
- Тогда уточним. Как именно ты планируешь начать? Какие действия считаешь допустимыми?
- Стерхова уверенно кивнула.
- Сначала – только архивный материал. Без контактов со свидетелями. Сверю КУСП, постановление об отказе, объяснения, источник формулировки «остался один», заключение судмедэксперта и протокол осмотра. Если оснований нет – сама сниму вопрос. Если есть – доложу письменно. Решение о проверке и назначении исполнителя примете вы.
- Для этого материала ты не просто следователь. Ты возможный свидетель. А для кого-то – удобная мишень. И если ты войдешь туда неосторожно, то развалишь любую перспективу еще до того, как она появится.
- Юрий Алексеевич...
- Дослушай до конца, Анна Сергеевна. Ты не можешь быть одновременно источником информации и человеком, принимающим решения.
- Дверь открылась, и в кабинет заглянул офицер:
- Можно?
- Нет! – рывкнул Савельев и, подождав, пока закроется дверь, продолжил: – Только архив. Только чтение. Никаких свидетелей, звонков или встреч. Никаких уточнений. В конце дня – письменная справка мне на стол. Не выводы, не версии, не воспоминания. Только то, что есть в материале и чего там нет. Если увижу вместо анализа попытку вмешаться – я тебя отстраню. Второй попытки не будет. Поняла?
- Поняла.
- Повтори.
- Архив. Состав материала. Источник формулировки. Письменная справка. Без свидетелей и без самостоятельных действий.
- Савельев смотрел на нее, и в его взгляде не было сочувствия. Скорее – признание того, что она сама предоставила аргументы против себя.
- Ладно, – сказал и придвинул к себе служебную записку.
- Написал резолюцию:
- «Разрешаю запросить архивный материал проверки № 04–587/2003. Ознакомление в служебном помещении, без изъятия оригиналов. Савельев».*

– Отнеси в канцелярию.

– Спасибо.

Стерхова вышла из кабинета и направилась к лестнице. В ушах толчками шумела кровь. В ее руках было не просто официальное разрешение, а узкая служебная щель, через которую можно посмотреть, на чем держалась ложная версия.

Следующая остановка – канцелярия.

Потом архив.

И ответ на вопрос, кто первым написал в материалах: «остался один».

Глава 3

Сорок три листа

Разрешение на архив Стерхова получила к полудню.

Канцелярия работала медленно. Женщина в очках с толстыми линзами долго вглядывалась в резолюцию Савельева. Потом, так же неторопливо, заполнила журнал, поставила печать на листке-требовании и протянула Анне.

– Ждите, – сказала она, не поднимая головы.

Стерхова вышла в коридор и села на подоконник у пожарного щита. Смотрела, как мимо проходят люди с папками, с кружками и тем особенным выражением лица, которое появляется у тех, кто работает в системе.

Ждать пришлось недолго. Через полчаса ей сказали, что материал проверки нашли, и можно идти в архив.

Архив располагался на цокольном этаже противоположного крыла. Туда вела отдельная лестница без ковровых дорожек, а стены в масляной краске помнили советские времена.

Стерхова спускалась медленно, держась за холодные перила. С каждым шагом воздух густел, пах пылью, старым клеем, машинописной лентой и чем-то еще неуловимым, что бывает в местах, где десятилетиями хранят бумагу.

Коридор упирался в железную дверь с окошком. Перед дверью толпилось несколько человек – двое в форме, женщина с папкой и парень в гражданском.

Стерхова встала в конец очереди, прислонилась плечом к стене и приготовилась ждать.

Очередь двигалась медленно. Архивариуса из-за двери не было видно, только слышно, как она переспрашивает, отказывает и отправляет переоформлять запросы.

В Стерховой росло раздражение – не на архивариуса, не на очередь, а на саму процедуру, которая превращала следователя в просителя.

Наконец дверь открылась, и вышедший офицер пропустил ее в закуток перед стеллажами, уходящими в глубь архива. За столом сидела женщина, ей было за пятьдесят, она смотрела перед собой устало и безразлично.

Стерхова положила на стол листок с резолюцией Савельева.

– Запрос.

Архивариус надела очки в металлической оправе и прочитала.

– Номер старый, – сказала она, констатируя неудобный факт. – Могли переложить в отказные по району обнаружения.

– Потеряли? – спросила Стерхова.

Женщина подняла на нее глаза.

– У нас не теряют, – сказала она. Потом помолчала, будто решала, стоит ли продолжать.
– У нас иногда не находят.

Она грузно поднялась из-за стола и скрылась за стеллажами. Было слышно, как шаркают подошвы ее тапочек по бетонному полу от одного стеллажа к другому.

Анна забеспокоилась. Если папка утеряна, придется возвращаться к Савельеву с пустыми руками. И он решит, что был прав.

Но женщина вернулась не с пустыми руками, а с серой папкой – затертой, с выцветшей наклейкой на обложке. Один угол был сильно помят.

Стерхова увидела номер – крупные цифры, написанные черным фломастером: 04–587/2003.

– Лежала не в том коробе. – В голосе архивариуса прозвучало удовлетворение не оттого, что нашла, а оттого, что оказалась права. – Засунули по ошибке.

Она села, положила папку перед собой. Сначала сверила номер с номером в требовании. Потом раскрыла толстый журнал учета, сделала запись и развернула журнал к Стерховой.

Ткнула пальцем в пустую графу.

– Распишитесь. Один материал, сорок три листа, без приложений. Ознакомление в кабинете.

Анна потянулась за шариковой ручкой, болтавшейся на шнуре, привязанном к столу. Поставила подпись.

Взгляд скользнул на соседнюю графу и замер. В журнале, напротив номера материала, стояла фамилия – *Белецкий*. Рядом – ее подпись.

«Снова вместе», – с горечью подумала она.

Возникло странное чувство неотвратимости: будто прошлое не просто вернулось, а все это время ждало в этой папке и в этой строке журнала, где ее рука дописала то, чего не хватало.

Архивариус забрала журнал и протянула Стерховой папку.

– Вернете до шести, – сказала она и отвернулась к компьютеру.

Стерхова вышла из архива с папкой в руках. Она оказалась легче, чем ожидалось.

Намного легче.

Смерть любимого человека и ложь, вписанная в официальный документ, – все это уместилось в тонкую серую папку, в сорок три листа.

Она поднялась на третий этаж, вошла в свой кабинет и закрыла дверь.

Положила папку на стол. Села.

Долго смотрела на серую обложку. Не потому, что боялась открыть. А потому, что знала: после первой страницы возврата уже не будет.

Тишина в кабинете была тяжелой. Где-то далеко, этажом ниже, хлопнула дверь. Гулко зазвучали шаги на лестнице. Потом снова стало тихо.

Анна не думала ни о чем конкретном. Сидела, чувствуя, как в висках пульсирует кровь и пальцы едва заметно дрожат. Она не пыталась успокоиться – дала себе время, несколько минут перед тем, как открыть папку, которая была уже не серым картоном, а дверью, за которой пряталась правда.

– Ну, – сказала Стерхова вслух. – Посмотрим.

Пальцы потянули бечевку. Узел не поддавался, пришлось подцепить ногтем. Папка открылась, изнутри пахло пылью, старым клеем и чем-то кисловатым. На внутренней стороне обложки стоял ведомственный штамп с датой и подписью, которую было не разобрать.

Анна взяла опись. Пробежала ее глазами, фиксируя названия.

1. *Заявление Белецкой И.М. от 24.06.2003. 1 л.*

2. *Рапорт дежурного ОВД о регистрации сообщения. 1 л.*

3. *Сообщение об обнаружении тела. 1 л.*

4. *Протокол осмотра места обнаружения тела. 3 л.*

5. *Фотографии – 12 шт.*

Стерхова замерла. Двенадцать фотографий. Сколько раз Валька смотрел в объектив, когда она щелкала его дешевым фотоаппаратом. Стоял, щурясь на солнце, или отворачивался – не любил, когда его снимают.

Анна сухо сглотнула и продолжила читать.

6. *Объяснение Белецкой И.М. 2 л.*

7. *Объяснение Минаевой Е. 1 л.*

8. *Объяснение Артемьевой К. 1 л.*

9. *Объяснение Резникова Р.О. 2 л.*

10. *Объяснение Хомякова И. 1 л.*

11. *Заключение судебно-медицинского исследования (акт СМЭ № 187/03). 4 л.*

12. *Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. 2 л.*

Она перелистнула страницу и увидела первый документ – заявление Белецкой.

Почерк был аккуратным, с правильным наклоном. Он выдавал в Ирине Михайловне человека старой школы, привыкшего писать рукой.

Стерхова заскользила взглядом по первым строкам:

«Начальнику ОВД... Заявление... Прошу принять меры к розыску моего сына, Белецкого Валентина Владимировича, 1986 года рождения, который ушел из дома 20.06.2003 и до настоящего времени не вернулся...».

В заявлении мать Вали писала, что он уехал на лодочную станцию в компании одноклассников. Дальше были перечислены имена: Женя Минаева, Анна Зайцева, Катя Артемьева, Игорь Хомяков.

Не «друзей». Не «знакомых». Именно «одноклассников». Это было важно. Белецкая подчеркивала возраст, круг общения и безопасную среду. Сын ушел с теми, кого она знала, с кем он учился и рядом с кем, как ей казалось, ничего плохого не могло случиться.

Анна отметила, что Ирина Михайловна не упомянула Ричи – Ричарда Резникова, приятеля Кати. Он был старше их на несколько лет и не входил в число одноклассников.

В заявлении, где каждая деталь работала на поиск, пропустить человека, управлявшего катером, на котором Валя добрался до лодочной станции, было странно.

Странно.

Может быть, Белецкая не знала о нем?

«Со слов сына мне известно, что 20.06.2003 они поехали на лодочную станцию. 23.06.2003 мой сын не вернулся. Связь с ним отсутствует.»

Стерхова взяла ручку и записала в блокноте:

«Почему Белецкая не назвала Ричи?»

Версия «остался один», которая перекочевала в газету, в учетную карточку и в постановление об отказе, была не из этого заявления. В нем говорилось о людях, с которыми был Валентин.

Стерхова смотрела на буквы – *Зайцева А.* – и чувствовала странную отстраненность, будто это была не она.

На полях заявления стояла резолюция:

«Проверить. Опросить указанных лиц.»

Анна перевернула лист.

Дальше шел рапорт дежурного с отметками о времени, фамилией принявшего сообщение и резолюцией *«Проверить»*.

Сообщение об обнаружении было еще короче. *«25.06.2003, в 10:00 у водосброса № 3... обнаружен труп... признаки утопления... личность предварительно установлена... Белецкий В.В.»*

Стерхова дышала глубоко. Следила за тем, чтобы пальцы не дрожали.

Конверт с фотографиями лег под руку неожиданно. Крафтовый, коричневый, формата А4. Двенадцать мгновений, которых она никогда не видела и не хотела видеть.

Анна не стала его открывать, положила под документы.

«Не сейчас. Не готова».

Она взялась за подшитые страницы объяснений, заполненные разными почерками. Читала медленно, вглядывалась не только в слова, но и в паузы, в умолчания, в осторожные формулировки.

Белецкая И.М. – два листа, убогий текст без помарок. Мать Вали писала сдержанно, однако за словами стояла боль.

«Ничего нового. Практически повтор заявления».

Минаева Е. – та самая Женя, которая боялась спать у костра и уходила в палатку. Почерк мелкий, девичий, с круглыми буквами и сердечками вместо точек над «е».

«Мы отдыхали на лодочной станции компанией. Утром в субботу Аня уехала на катере. После ссоры все разошлись. Когда мы вернулись, Вали уже не было. Потом мы узнали, что он утонул.»

Стерхова задержала взгляд на фразе:

«После ссоры все разошлись.»

Пометила в блокноте:

«Объяснения Минаевой. Чья ссора? Куда разошлись? Кто? Когда? Где был Валя?»

Артёмьева Е. – подруга Анны Катя, с которой они сидели за одной партой, писала каллиграфически с равным расстоянием между словами. Когда-то Стерхова завидовала этому почерку. Теперь он казался ей слишком правильным, слишком контролируемым.

«Зайцева и Белецкий поссорились. Я не слышала, из-за чего, но Валентин был расстроен. Анна уехала на катере, а он остался. Я ушла с Женей и Игорем. Большие я Вали не видела.»

Горечь подступила к горлу не как слеза, а как сухой, царапающий ком. Анна смотрела на свою девичью фамилию. Зайцева. Та девочка, чье имя навсегда вписали в обстоятельства смерти Валентина Белецкого.

Она закрыла глаза.

Перед внутренним взором возникла вода. Серая, холодная, с рябью от ветра. Катер, набирающий ход, быстро удалявшийся берег и Валькина фигура на пирсе – худая, в синей куртке.

«Я все равно тебя вижу, Ань.»

Стерхова медленно выдохнула и заставила себя снова стать следователем. Тем, кто читает документы, сопоставляет факты, ищет несоответствия.

Резников Р. – «Ричи», взрослый приятель Кати. Рыжий, веснушчатый владелец старого катера. Тот, кого не было в списке Белецкой. О котором, вероятно, рассказал кто-то из их компании.

Его почерк был мужским, размашистым, с крупными буквами, которые то и дело вылезали на поля. Писал он небрежно, но не безграмотно, как человек, который привык заполнять бумаги, но не любил этого делать.

«В субботу 21 июня около девяти часов утра я переправил на своем катере Зайцеву Анну с лодочной станции на другой берег. Белецкий Валентин остался на станции. Большие я его не видел.»

Стерхова отложила лист. Отметила: Ричи не видел Валью живым после ее отъезда. Он не написал «остался один», но и не назвал никого, кто остался. Не упомянул, когда вернулся на станцию сам.

Из объяснений остался только один лист с самым коротким текстом. Буквы не вылезали за строки, не украшались сердечками. Они были ровными. Аккуратными. Взрослыми.

Хомяков И. – Игорь «Хомяк». Одноклассник Анны, парень Жени Минаевой, писал:

«Белецкий В. после ссоры с Анной Зайцевой остался один на территории лодочной станции. Большие я его не видел.»

Вот оно.

Остался один. Единственный источник с этой формулировкой. Фраза, которую Стерхова видела в учетной карточке. В газетной вырезке. В постановлении об отказе. Та же самая, слово в слово. Сухое утверждение, не допускавшее сомнений.

Она склонилась над документом.

«Что с подписью?»

Подпись Хомякова была, но без расшифровки. Только росчерк – быстрый, небрежный, будто человек спешил или не хотел оставлять на бумаге лишнего.

Сравнивать было не с чем, других документов с подписью Хомякова в папке не было.

Анна быстро перелистала страницы. Нашла протокол осмотра места обнаружения тела, который написал капитан Ткачев. Почерк показался похожим: та же привычка вытягивать нижние петли букв, та же взрослая аккуратность и заостренность.

В просмотренных документах формулировка «остался один» впервые появилась в объяснении Игоря Хомякова. Она выглядела чужеродной: слишком взрослой для Хомякова и слишком удобной для отказного материала.

Напрашивался еще один вывод: ни один документ из просмотренных не устанавливал, кто остался на лодочной станции после ее отъезда.

Не устанавливал и того, кто последним видел Валентина живым.

Глава 4

Не процессуальная цель

Стерхова собрала объяснения в стопку, закрепила скрепкой и положила их в папку. Откинувшись в кресле, ощутила, как в затылке пульсирует тупая, негромкая боль.

Дверь приоткрылась. В кабинет заглянул капитан Вавилов, высокий, сутулый человек, который, как и она, мотался по командировкам и давно забыл, что значит высыпаться. У рта залегли складки, под глазами – мешки, на лице – следы от тупого лезвия.

– Анна Сергеевна. – Голос Вавилова был негромким, чуть хрипловатым. – Савельев просил зайти.

Стерхова взглянула на часы.

До шести оставалось меньше четырех часов.

– Спасибо. Уже иду.

Вавилов кивнул и скрылся. Вскоре его шаги затихли в конце коридора.

Анна закрыла папку. Поднялась из-за стола, чувствуя, как затекли ноги. Подошла к сейфу, положила папку на среднюю полку и захлопнула дверцу. Ключ повернулся туго, с усилием задвинув засов.

Проверила, дернула ручку.

Дверца была заперта.

Ключ от сейфа сунула в карман пиджака. Потом взяла со стола блокнот и вышла из кабинета.

Коридор встретил ее обыденной суетой. В дальнем конце, у кулера, спорили двое оперативников. Где-то хлопнула дверь – гулко, с металлическим лязгом, какой бывает у тяжелых противопожарных конструкций. Потянуло запахом растворимого кофе, того, что наливали в автомате на втором этаже.

Все было слишком будничным и живым. Слишком обыкновенным. Как будто в ее сейфе не лежали материалы о гибели Вали.

На лестнице пахло краской, недавно обновили перила. Анна спускалась медленно, чувствуя, как в груди постепенно затягивается холодный, профессиональный узел.

Боль осталась в кабинете. К Савельеву она взяла лишь блокнот и ключ от сейфа.

Савельев сидел за столом без кителя, в одной рубашке с закатанными рукавами. Воротник расстегнут, галстук ослаблен, узел сполз вниз, открывая шею с глубокими возрастными морщинами.

Он, не поднимая головы, дочитывал последнюю страницу. Анна видела, как его глаза движутся по строкам. Поставив помету на полях, Юрий Алексеевич посмотрел на нее.

– Ну?

Не «добрый день», не «садись». Просто «ну».

– Материал нашли, – ответила Стерхова и села на стул для посетителей. – Сорок три листа. Без приложений.

– Это я знаю. – Савельев откинулся назад. Кресло скрипнуло – старый, разбитый механизм, который давно требовал замены. – Что по существу?

Она открыла блокнот и нашла нужную страницу.

– Версия, что Белецкий остался на лодочной станции один, полностью не подтверждена. Такая формулировка есть только в объяснении свидетеля Хомякова. Другие этого не подтверждают.

Савельев слушал, не перебивая. Сидел неподвижно, и только пальцы правой руки постукивали по столу.

– Объяснение Хомякова, – продолжила Стерхова, – выглядит написанным взрослой, профессиональной рукой. Подпись без расшифровки.

– Выглядит... – повторил Савельев, растягивая слово. – Это подозрение, Анна Сергеевна. А нам нужны основания для возобновления проверки. Чувствуешь разницу?

– Дело в том, что именно эта формулировка перешла в учетную карточку. Потом в газетную заметку. И, предположительно, в постановление об отказе.

– Предположительно! – Юрий Алексеевич подался вперед. – Само постановление прочитала?

Стерхова задержала дыхание на секунду.

– В общих чертах.

– Значит, сначала прочитай! А потом докладывай.

В кабинете повисла тишина. Только гудел кондиционер, нагоняя прохладный, безжизненный воздух. Где-то за стеной зазвонил телефон – три гудка, потом короткое «алло». Стукнула дверь.

Стерхова закрыла блокнот.

– Хорошо. Тогда по факту. На данном этапе ни один просмотренный документ не устанавливает, кто последним видел Белецкого живым.

Савельев сложил руки на животе и посмотрел на нее долгим взглядом, как смотрят на человека, когда хотят спросить о чем-то неудобном.

– Анна Сергеевна, – сказал он наконец. – Это старый отказной материал. В таких материалах всегда есть дыры. Особенно по несовершеннолетним. Выезд на природу, вода, костер и... Он сделал паузу.

– ...спиртное. Ведь было?

Стерхова молчала секунду. Потом обронила коротко, без уточнений:

– Было.

– Тем более. – Савельев кивнул, как будто это все объясняло. – Никому не хотелось возиться с подростками, пьющими на заброшенной лодочной станции.

Он говорил спокойно и рассудительно, как человек, который видел сотни таких материалов. Стерхова поняла: для него это не было преступлением. Небрежность, недобросовестность старой проверки – да. Но не убийство. Не то, ради чего стоит поднимать архив, писать справки и рисковать.

– Юрий Алексеевич, – заговорила она, чувствуя, как голос становится жестче. – Версия «остался один» стала основанием для отказа. Но она не подтверждена.

– Она подтверждена одним объяснением, которое ты считаешь сомнительным. – Савельев не повысил голоса, в его интонации прозвучала осторожная, профессиональная твердость. – Но у тебя нет никаких доказательств.

– Объяснение выглядит чужеродно.

– Для кого?

Стерхова промолчала.

Савельев не нападал, он задавал вопросы, на которые она не могла ответить. Не могла доказать. Не могла положить ему на стол то, что превратило бы ощущения в факты.

Полковник смотрел на нее внимательно. В его глазах не было осуждения. Было что-то другое – то, что она определила не сразу. Он проверял не материал, а ее саму.

– Чужеродно для тебя, – сказал он тихо, ответив на свой вопрос. – Потому что ты знала этих людей. Потому что ты была там. Потому что хочешь понять, кто и когда повесил на тебя эту историю. И я тебя понимаю. Но мне этого мало.

Стерхова ощутила, как внутри поднялось жесткое, подростковое сопротивление, знакомое по спорам с матерью.

«Сцепить зубы. Не объяснять. Не оправдываться».

Сжав блокнот, она тихо выдохнула.

– Что вам нужно? – Голос Анны звучал холодно, но без той жесткой ноты, которая грозила прорваться.

– Факты, – сказал Савельев. – Не ощущения и не предположения. Факты, которые нельзя списать на небрежность исполнителя.

Он выдержал паузу, давая время осмыслить его слова.

– Я дал тебе разрешение посмотреть. Изучить. Составить справку. Но если ты хочешь возобновления проверки, новых допросов, повторного осмотра – мне нужны факты, которые выдержат хотя бы поверхностную прокурорскую проверку.

Стерхова кивнула.

– Поняла.

– И еще. – Полковник взял со стола очки, но не надел. – Предупреждаю. Двинешься дальше, пойдешь по тонкому льду.

– В конце дня я предоставлю вам справку, – сказала она. – По существу. Без ощущений.

– Помнишь, что материал следует вернуть до шести? – спросил Савельев, и в его голосе мелькнула тень отеческой иронии.

– Тогда зачем вы меня отвлекаете, Юрий Алексеевич?

Она сказала это без дерзости – скорее с недоумением. Полковник усмехнулся – коротко и беззвучно.

– Чтобы проверить.

– Что?

– Не «поплыла» ли ты эмоционально?

Стерхова посмотрела на него в упор.

– Я не поплыла.

Савельев надел очки.

– Если «поплывешь», – сказал он тихо, – я прикрою эту самостоятельность. Без лишних разговоров. Без права на второй шанс. Поняла?

– Поняла, – ответила Анна.

«Не поплыла».

Так она сказала Савельеву.

Но сама себе еще не ответила.

Стерхова уже поднялась, когда полковник взглянул на нее поверх очков и снова заговорил.

– И главное... – Он снял очки и протер их краем галстука. – Не доказывай, что ты не виновата. Это не процессуальная цель.

Она не кивнула. Слова Савельева вошли в нее медленно, как вода в сухую землю. И застряли где-то под ребрами.

Полковник отвернулся к окну. Разговор был кончен.

Стерхова вышла в коридор и закрыла за собой дверь. На обратном пути ей показалось, что на этаже стало оживленнее. За те полчаса, что она провела у Савельева, сотрудники вернулись с обеда. Из канцелярии вынесли коробку с бумагами. Где-то зазвонил телефон – резко, требовательно, с тем особенным дребезжанием старых аппаратов, которое не спутаешь ни с чем.

Обычный день двигался дальше, не спотыкаясь о прошлое.

Вернувшись к себе, Анна открыла сейф и забрала из него папку с материалами. Положила на стол, села в кресло. Посмотрела в окно. Там, за стеклом, покачивались ветки, отбрасывая тени на подоконник. Старый тополь еще не сбросил листву.

Стерхова положила перед собой блокнот и ручку.

Ей нужен был факт.

Не фраза, что врезалась в сознание больше двадцати лет назад. Только факт.

Она раскрыла папку и вынула из нее заключение судебно-медицинской экспертизы.

Глава 5

Вверх по течению

Стерхова не любила читать заключения судмедэксперта. Не из брезгливости – профессия приучила ее ко всему. А из-за той отстраненности, с которой эксперты описывали то, что еще вчера было человеком. Кожа, мягкие ткани, костные остатки, внутренние органы. Ни имени, ни возраста, ни улыбки. Ни привычки дергать сломанную молнию.

Начала читать с первой страницы, как и положено. Не торопясь, вчитываясь в каждую фразу.

«Акт судебно-медицинского исследования трупа № 187/03».

«Исследование произведено 26.06.2003».

«Труп неустановленного лица мужского пола, на вид 16–20 лет».

Она остановилась на этом месте.

«Неустановленного».

Значит, в момент исследования тело еще не опознали. Или опознали формально, а эксперт писал так, как требовали правила: пока нет официального подтверждения, труп остается «неустановленным лицом».

В коридоре кто-то рассмеялся – коротко, буднично, неуместно. Стерхова подняла глаза на дверь и снова опустила их к документу.

Продолжила читать.

«Наружный осмотр: труп правильного телосложения. Кожные покровы бледные, с мраморным оттенком. Трупные пятна бледно-фиолетовые, разлитые».

Стандартные формулировки. Она встречала сотни таких же в других делах, не имевших к ней никакого отношения. Но сейчас каждая фраза резала по живому.

«Причина смерти: механическая асфиксия от утопления».

Утонул. В легких вода. Ничего необычного, ничего, что указывало на насилие – если не считать того, что люди не тонут сами по себе без причины.

Стерхова перелистнула. Взглянув на второй лист, замерла.

«Телесные повреждения:

– ссадина в левой затылочной области размером 2х1,5 см;

– кровоподтек в области правой скуловой дуги размером 3х2 см;

– ссадина на внутренней поверхности левого предплечья размером 4х1 см.»

Она перечитала список. Небольшие, на первый взгляд, повреждения. Ничего смертельного. Ничего, что говорило бы об убийстве.

Но: затылок, скула, предплечье.

Стерхова положила лист на стол. Включился профессиональный механизм – холодный, точный, не терпящий пустоты.

Затылок, скорее всего, поврежден при падении назад. Скула – при ударе спереди или сбоку.

Предплечье страдает при защите, когда человек инстинктивно поднимает руку, чтобы закрыть лицо.

Она возвратилась к тексту, туда, где эксперт отвечал на стандартные вопросы.

«Представленные повреждения не характерны для падения в воду с высоты. Отсутствуют признаки удара о плоскость воды (обширные кровоизлияния в грудные мышцы, разрывы внутренних органов)».

«Повреждения могли образоваться при ударе о твердый предмет».

Она заглянула в последний лист заключения. Там было то, ради чего проводили экспертизу – ответ на главный вопрос.

«Причиной смерти явилось утопление. Данных, однозначно свидетельствующих о криминальном характере смерти, при исследовании не получено».

Стандартная формулировка. Эксперт не сказал «да» и не сказал «нет».

Дальше начиналась зона интерпретации. Серая зона, где сухая медицинская констатация превратилась в историю. Кто-то выбрал одну версию из возможных и превратил слово «мог» в «так и было». И этот кто-то закрыл дело, повернув следствие в сторону «несчастливого случая».

Но при таких повреждениях проверка не должна была остановиться на версии «несчастный случай». Без установления последнего контакта, маршрута перемещения, времени исчезновения и лиц, оставшихся на станции.

Анна была близка к тому, чтобы чувствовать, а не анализировать.

Но сейчас чувства были самым страшным врагом.

Протокол осмотра места обнаружения тела был написан тем же почерком, что и учетная карточка, – ровным, взрослым, с привычкой вытягивать нижние петли. Капитан юстиции Ткачев В.М. составлял документы аккуратно. Она отметила это без одобрения, просто как факт.

Осмотр проводился 25 июня 2003 года, в 14:30. Место – водосброс № 3, в полутора километрах от заброшенной лодочной станции. Ориентиры, привязка к местности, схема – от руки, с пометками на полях. Изгиб реки, отметка «место обнаружения» у решетки водосброса.

Тело застряло – между прутьями, лицом вниз.

Стерхова представила эту картину, но тут же задвинула ее на задний план.

«Труп извлечен из воды. При наружном осмотре на одежде обнаружены следы песка и глины, характерные для прибрежной полосы».

Песок и глина. Не ил, не водоросли, не тина, которая бывает на дне, – а именно прибрежная полоса. Значит, тело не просто плыло по течению. Оно контактировало с берегом. Или его вынесло к берегу, и только потом течение потащило дальше, к водосбросу.

Она перевернула страницу.

«Описание одежды: футболка серая; джинсы, синие».

А где же куртка? Та самая, джинсовая со сломанной молнией. Анна помнила, что куртка была на Валентине.

Обуви тоже не было. И это было еще непонятнее. Куда делись туго зашнурованные кеды? Их не могло сорвать с ног даже сильное течение.

Стерхова перечитала абзац три раза. Футболка, джинсы. Ни слова о кедах.

Она вернулась к схеме.

От лодочной станции до водосброса полтора километра. Если человек падает в воду без сознания, течение несет его, переворачивает, бьет о коряги, о камни, о бетонные конструкции. Если он в сознании, то пытается плыть. Но речная вода в июне еще холодная.

Анна провела пальцем по реке от лодочной станции до водосброса. Расстояние, которое тело преодолело само или с чьей-то помощью.

На полях протокола, карандашом, была приписка:

«Предположительно, тело снесено течением. Осмотр места падения не проводился ввиду отсутствия достоверных данных о месте попадания тела в воду».

Осмотр места падения не проводился.

Стерхова сжала челюсть. Следователь не установил, откуда именно Валя упал в воду.

Она посмотрела на подпись под схемой.

Капитан юстиции Ткачев В.М.

Слишком многое прошло через одного человека. Заявление, объяснения, протокол осмотра, постановление. Ткачев. Везде Ткачев. Он выбирал формулировки и версию. Он же закрыл дело.

Она взяла ручку и написала в блокноте:

«Протокол осмотра: тело – у водосброса. Куртки и обуви нет».

Ниже, через строку:

«Ткачев В.М. – учетная карточка, объяснение Хомякова, протокол осмотра, постановление».

Стерхова подняла глаза на засохший фикус в глиняном горшке. Бурая коряга с облетевшими листьями. И вдруг поняла, что не выбросит его никогда. Встала, взяла графин и вылила воду в сухую землю.

Потом снова села за стол.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела лежало на дне папки – два листа с угловым штампом на первом и подписью Ткачева на последнем.

Она положила его перед собой, передвинула, чтобы не падала тень, и начала читать.

«Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела»

«г. Москва, 5 июля 2003 года»

«Следователь СО при ОВД района капитан юстиции Ткачев В.М., рассмотрев материал проверки № 04–587/2003 по факту смерти Белецкого В.В., 1986 г. р.»

Дальше шло изложение – сухое, уверенное, почти лекционное. Стерхова читала и чувствовала, как внутри поднимается холод. То особое оцепенение, которое бывает при виде лжи, упакованной в официальную форму.

«В ходе проверки установлено:»

«20.06.2003 компания молодых людей, в числе которых находились несовершеннолетние Белецкий В.В. и Зайцева А.С., прибыла на заброшенную лодочную станцию, где расположилась на ночлег».

«Утром 21.06.2003 между Белецким В.В. и Зайцевой А.С. произошла ссора, после которой Зайцева А.С. покинула станцию на катере под управлением Резникова Р.О.».

Стерхова сжала пальцы. Ссора была. Это правда. Но не та, которую можно было превращать в причину смерти.

«После отъезда Зайцевой А.С. Белецкий В.В. остался один на территории лодочной станции».

Остался один.

Та же формулировка. Те же слова, что в учетной карточке, в газетной вырезке, в объяснении Хомякова. Теперь – в официальном постановлении с угловым штампом и подписью.

«При неустановленных обстоятельствах Белецкий В.В. упал в воду».

Обстоятельства не проверены. Не найдены. Не доказаны. Но это не помешало Ткачеву сделать вывод.

«Согласно акту судебно-медицинского исследования, причиной смерти явилось утопление. Обнаруженные телесные повреждения сами по себе не свидетельствуют однозначно о криминальном характере смерти».

Стерхова перечитала последнюю фразу. *«Не носят характера, однозначно свидетельствующего».* Эксперт написал «нет однозначных данных». Ткачев переписал это как «нет криминала». Разница была огромной. Эксперт оставил пространство для версий. Следователь свел его до одной.

«Признаки криминального характера смерти не установлены».

«На основании изложенного, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 24, ст. 144, 145, 148 УПК РФ, ПОСТАНОВИЛ: отказать в возбуждении уголовного дела по факту смерти Белецкого В.В., 1986 г. р. на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием события преступления».

Анна отложила постановление.

Ссора была. Она уехала – тоже было. Остался один – не доказано. Упал в воду – не проверено. Криминал не установлен, потому что его не искали.

Это склейка. Ложь, соединенная с полуправдой, допущением и отсутствием проверки. Стерхова включила компьютер.

Монитор засветился серым, система грузилась медленно. Она открыла спутниковую карту. В поисковой строке набрала название района, нажала Enter.

На экране появилось знакомое место. Изгиб реки, зеленая полоса леса. Она приблизила изображение. Вот лодочная станция и пирс, с которого она уплыла на катере. Вот река – широкая, темная.

Потом нашла водосброс, переключила карту на гидрологический слой и замерла. По уклону русла вода шла от водосброса к лодочной станции, а не наоборот.

Анна сверила карту со схемой в протоколе. Ошибки не было. Водосброс был выше по течению. Станция – ниже.

Тело, попавшее в воду у лодочной станции, не могло быть отнесено вверх по течению к водосбросу. Это было физически невозможно. Вода не течет в гору.

Стерхова откинулась на спинку стула и громко выдохнула.

Смотрела на экран. На извилистую линию реки. На две точки – станцию и водосброс. На линию течения, которая указывала в противоположную сторону от той, которую предполагала версия Ткачева.

Несоответствие.

Физическое, географическое, непроверяемое несоответствие.

Значит, Валя упал в воду не там, где он «остался один». Это случилось выше по течению. Или же тело переместили.

Она открыла новый файл в текстовом редакторе. Курсор замигал в пустом поле, приглашая начать.

Пальцы забегали по клавиатуре.

«СЛУЖЕБНАЯ СПРАВКА»

Она печатала быстро, почти не глядя на клавиши. Слова ложились на экран ровными точными строчками, не допускавшими двусмысленности. В этой справке не было места чувствам. Только факты. Только несоответствия. Только вопросы, которые никто не задал двадцать три года назад.

Стерхова писала и чувствовала, как затихает боль.

Она больше не была той девушкой, которая уплыла и не обернулась.

Она была следователем, который нашел путь к правде.

Документ № 1

Из материалов проверки № 04–587/2003

Начальнику отдела по расследованию преступлений прошлых лет полковнику юстиции Савельеву Ю.А.

от старшего следователя Стерховой А.С.

СЛУЖЕБНАЯ СПРАВКА

Во исполнение Вашей резолюции мною изучен архивный материал проверки № 04–587/2003 по факту смерти Белецкого В.В., 1986 г. р.

Оригиналы не изымались. Контакты с участниками событий не осуществлялись.

В материале проверки выявлены следующие несоответствия.

1. Формулировка «остался один»

Постановление об отказе исходит из того, что Белецкий В.В. после ссоры с Зайцевой А.С. «остался один» на территории заброшенной лодочной станции.

Объяснения Резникова Р., Минаевой Е. и Артемьевой К. подтверждают только отъезд Зайцевой А.С.

Единственное прямое указание – объяснение Хомякова И., изложенное языком, близким к учетной карточке и постановлению.

Под объяснением Хомякова И. отсутствует расшифровка подписи. С учетом значения данного объяснения для вывода об отсутствии на станции иных лиц, требуется проверка обстоятельств его составления и подписания.

2. Место падения в воду

Предполагаемое место падения Белецкого В.В. в воду не осматривалось.

Следы падения, борьбы или перемещения не фиксировались.

3. Место обнаружения тела

Согласно протоколу осмотра, тело Белецкого В.В. обнаружено у старого водосброса.

Водосброс расположен выше по течению относительно заброшенной лодочной станции.

Механизм перемещения тела от станции к водосбросу материалом не объяснен.

4. Судебно-медицинское исследование

Акт СМЭ подтверждает утопление, но не устанавливает, при каких обстоятельствах Белецкий В.В. оказался в воде.

Указанные в акте телесные повреждения самостоятельной оценки не получили.

Вывод

Материал проверки не подтверждает ключевой вывод постановления: Белецкий В.В. после отъезда Зайцевой А.С. остался один на лодочной станции и погиб в результате несчастного случая именно там.

Таким образом, ложная версия о том, что Белецкий В.В. после отъезда Зайцевой А.С. оставался на станции один, была положена в основу вывода об отсутствии признаков преступления.

Вывод о несчастном случае построен на повторе неподтвержденной формулировки.

Альтернативная версия попадания Белецкого В.В. в воду в ином месте не проверялась.

Считаю необходимым провести дополнительную проверку по материалу № 04–587/2003.

Первоочередной проверке подлежат:

1. происхождение формулировки «остался один»;

2. обстоятельства получения объяснения Хомякова И.;

3. фактическое расположение лодочной станции и водосброса, а также направление течения;

4. круг лиц, оставшихся на лодочной станции после отъезда Зайцевой А.С.;

5. обстоятельства образования телесных повреждений, указанных в акте СМЭ.

С учетом личной связи с обстоятельствами событий 2003 года ставлю вопрос о допустимости моего дальнейшего участия на Ваше усмотрение.

Старший следователь
Стерхова А.С.

Глава 6

Встреча без протокола

Материалы проверки Стерхова сдала в архив без пяти минут шесть. Архивариус сверила номера и сделала отметку в журнале.

Анна вышла из цокольного этажа и поднялась наверх. Коридоры управления к этому часу опустели. Рабочая суета схлынула, оставив после себя запах курева и остывшего кофе.

Анна шла по коридору второго этажа, в конце которого располагался кабинет Савельева. Уборщица в синем халате водила шваброй по полу вдоль стен. Вода в ее ведре была мутной, с серыми хлопьями.

Шагая по коридору, Стерхова слышала гул вентиляции, звук отжимаемой тряпки и свои шаги, приглушенные ковровой дорожкой. После нескольких часов работы с документами пространство снова обрело звук и объем.

Дверь Савельева оказалась заперта. Изнутри не доносилось ни звука. Ни голоса, ни движения, ни шороха бумаг. Анна достала телефон. Нашла в списке номер полковника, но палец замер над кнопкой вызова.

Все, что она могла сказать ему по телефону: материал не пустой, в нем есть дыра.

Но это был не телефонный разговор. Нужна была справка перед глазами и Савельев напротив. Не голос в трубке, а старший офицер, который дослушает до конца, задаст вопросы и решит, что делать дальше.

Не сейчас. Утром.

Стерхова убрала телефон в сумку. Туда же положила папку со справкой. Потом развернулась и направилась к выходу.

На улице заметно похолодало. Она запахнула пальто и спустилась по ступеням крыльца. Фонари еще не зажглись, но небо над крышами потеряло цвет – стало серым и тяжелым, как мокрая вата.

Стерхова шла к метро и думала, что иногда правильный путь не выбираешь. Его просто закрывают на ключ до утра.

Люди обтекали ее потоком – кто-то с сумками, кто-то в наушниках. Все шли быстрее, чем она.

Внутри нее медленно распускался холодный узел, который завязался в архиве. Она старалась не думать о завтрашнем дне. О том, какое решение примет Савельев.

Сейчас было достаточно просто идти.

Телефон зазвонил, когда она спустилась в переход. Звук разнесся по бетонному коридору, отразился от стен и вернулся к ней, потеряв привычную мягкость.

На экране высветилось: *Мама*.

Стерхова пропустила женщину с коляской, остановилась и нажала «Ответить».

– Ты так и не пришла, – мать говорила ровно, но в голосе прозвучала обида. – Я ждала.

Анна запахнула пальто плотнее.

– Прости. Много работы. На выходных забегу.

В трубке повисла пауза. Стерхова слышала дыхание матери с короткими вдохами.

– Тебя искала Артемьева, – сказала она. – Оставила номер телефона.

Фамилия Артемьевой всплыла в памяти не лицом, не голосом, а строкой из объяснения: округлый почерк, инициалы, год рождения, подпись внизу листа. Та самая Катя, с которой они сидели за партой.

– Катя Артемьева? – переспросила Стерхова.

Мать помолчала. Когда заговорила, голос стал суше.

– К ней приходила Белецкая.

Стерхова отошла к стене и прижалась плечом к холодному кафелю, чувствуя, как внутри что-то сместилось.

Белецкая добралась до Кати раньше нее.

Анна медлила. Савельев сказал ясно: никаких самостоятельных контактов с участниками дела. Ни звонков, ни встреч, ни «случайных» уточнений. Она хорошо знала, как будет называться ее звонок и тем более встреча с Артемьевой: контакт с возможным свидетелем вне процедуры.

Но Катя пришла не в управление, она искала встречи через мать. Грань была слишком тонкой, чтобы стать оправданием. Но Стерхова ухватила за возможность.

– Продиктуй номер.

Мать продиктовала. Коротко, четко, как в прежние времена, когда давала дочери поручения.

– Спасибо, – сказала Анна. – Я перезвоню.

Она отключилась, но трубку не убрала. Смотрела на проходящих мимо людей. Потом, выдохнув, набрала номер Артемьевой.

В трубке пошел длинный гудок, потом раздался щелчок – и тишина, будто Катя тут же прикрыла микрофон ладонью.

– Да? – Голос был тихим и настороженным.

– Это Анна, – сказала Стерхова.

На заднем плане что-то звякнуло. Потом стало тихо.

– Ты одна? – спросила Катя.

– Да.

– На работе?

– Нет.

– Хорошо, – Артемьева выдохнула, и в этом звуке было не облегчение, а то, что бывает перед разговором, которого боятся.

Анна слышала, как на том конце кто-то ходит. Шаги были быстрыми и прерывистыми.

– Ты хотела со мной поговорить, – напомнила она.

– Не по телефону, – ответила Катя.

– Где встретимся?

– Помнишь кафе возле школы? – Голос Артемьевой дрогнул, но она взяла себя в руки.

Анна прикрыла глаза. Школа, узкая улочка, деревянные столики – это было так давно, что казалось нереальным.

– Оно еще есть?

– На том же месте.

– Когда?

– Лучше сегодня. В семь.

Стерхова посмотрела на часы. Полчаса. Если поторопиться, успеет.

– Я приду.

Катя помолчала, потом сказала:

– Спасибо, Ань.

Связь оборвалась.

Анна еще несколько секунд держала трубку возле уха, слушая пустоту. Потом опустила руку и посмотрела на экран. Вызов длился меньше минуты. Для обычного разговора мало. Но для такого достаточно.

Она убрала телефон и двинулась вверх по лестнице, навстречу холодному ветру. Шла быстро, обгоняя прохожих. Чувствовала, как внутри поднимается забытое ощущение, когда отступило все, а время и внимание сузились до единственной встречи, до одного разговора.

Стерхова знала, что нарушает приказ Савельева, но это ее не остановило. Она пошла пешком, хотя могла взять такси. За это время успела трижды решить, что не пойдет, и трижды продолжала идти.

Ветер гнал по асфальту сухие листья. Стерхова шла, не поднимая головы. У нее сбивалось дыхание.

Кафе теперь называлось иначе. Старую вывеску сняли, деревянные окна заменили на пластиковые.

Катя сидела за столиком у окна. Анна увидела ее до того, как вошла: темноволосая, худая, в черном пальто. Перед ней стояла кофейная чашка.

Толкнув стеклянную дверь, Стерхова вошла в кафе. Внутри были белые стены, черные светильники и меню с английскими названиями. За стойкой шипела кофемашина. Пахло кофе, выпечкой и горячим молоком.

Это была уже не та кафешка, где они покупали чай в граненых стаканах и дешевые пирожные с мокрым кремом. От прежнего места остался лишь вид из окна. Школьный забор с торчащими прутьями. Все вокруг изменилось, а он уцелел.

Анна приблизилась к столику. Катя подняла голову. Сначала посмотрела на ее сумку, потом на руки, потом уже на лицо.

– Привет.

Они не обнялись. Стерхова села напротив.

Артемьева первой отвела глаза.

– Я думала, ты не придешь.

– Почему?

– Не знаю. – Она тронула чашку. – Двадцать лет прошло. Глупо как-то.

– Больше двадцати, – поправила Стерхова.

– Ты посчитала?

– Это было нетрудно.

Ответ был коротким и жестким, но Анна ничего не добавила.

Артемьева провела пальцем по краю чашки.

– Я в Москве. Если тебе интересно. Живу на Воздвиженке. Муж, взрослая дочь. Нормальная жизнь. – Она говорила чуть быстрее, чем нужно. Заранее выкладывала все, что имела и успела построить за эти годы. Потом добавила: – Не подумай, я не хвастаюсь.

Стерхова и не думала.

Катя поправила край рукава. На ее пальце блеснуло тонкое кольцо с небольшим камнем.

– Жизнь сложилась, – повторила она, будто убеждая в этом не только Анну, но и себя.

– Я ни о чем не спрашивала, – заметила Стерхова.

– Знаю. – Артемьева усмехнулась. – Скажу сразу: я не с Ричи. Мы тогда с ним быстро разбежались.

Имя Ричи прозвучало не к месту. Как вещь, которую уронили и сделали вид, что так и надо.

– После гибели Вали? – спросила Анна.

– После всего. – Катя снова взялась за чашку, ее рука дрогнула, и кофе вылился на блюдце. Она отставила чашку и вытерла пальцы салфеткой. – Так уж вышло. Совсем не сошлись характерами.

Стерхова смотрела на нее. Не в глаза, а чуть выше, в переносицу – так было проще держать дистанцию.

– Зачем ты меня искала?

Катя сжала в руке салфетку.

– Не хотела тебе звонить. Правда, Ань. Но после того, как ко мне пришла Ирина Михайловна, я поняла, что нам надо встретиться.

Она говорила тихо, словно боялась, что их услышат.

– Белецкая пришла в воскресенье утром. К нам домой. Представляешь? Мы с мужем завтракали. И вдруг звонок в дверь.

Анна опустила глаза. Достала телефон и положила на стол экраном вверх. Потом придвинула ближе, хотя он никому не мешал.

– Зачем она приходила?

– Разговор был коротким. – Артемьева запнулась и тяжело сглотнула. – Мать Вали сказала: «Я не спрашиваю, почему вы тогда соврали. Я спрашиваю, как вышло, что мой сын остался один?»

Эти слова повисли в воздухе между ними. Стерхова слышала, как шипит кофемашина. Кто-то рассмеялся у входа. За окном проехал автомобиль.

– Что ты ответила?

– Я испугалась.

Анна посмотрела в окно, на школьный забор. Не как на место из прошлого, а как на ориентир: от школы до лодочной, от лодочной до берега, от берега до воды. Маршрут проложился сам.

Она перевела взгляд на Артемьеву.

– Вы действительно соврали?

Катя возмущенно привстала:

– Ну, что ты!

– За себя говоришь или за всех? – спросила Стерхова, не повысив голоса.

– Лично я сказала следователю правду!

Слово «лично» отделилось от остальных – точное, лишнее, неслучайное.

Анна машинально сдвинула телефон.

– Правду? – тихо переспросила она. – Когда я уехала с лодочной станции, вас оставалось четверо. Потом туда возвратился Ричи. Как Валька мог остаться один?

Артемьева дернула плечом.

– Не помню! Я за ним не следила.

– Это не ответ.

– Тебе нужен ответ? Хочешь, чтобы все снова началось?

Анна молчала.

– Ты тогда уехала, – Катя продолжила тише, но в голосе прорезалась звенящая нота. – Уехала, поступила, стала кем стала. А мы остались здесь. С родителями, с участковым, с похоронами и разговорами во дворе. Потом как-то жили. Плохо ли, хорошо – но жили.

Она провела ладонью по столу, будто стирая незримую надпись.

– Мой муж не знает и половины этой истории. Тем более дочь.

– Стоп, – отрезала Стерхова.

Голос был резким, сухим, служебным. Не тем, которым разговаривают с бывшей одноклассницей.

Артемьева посмотрела на нее удивленно.

– Что значит «стоп»?

– Я не имею права тебя расспрашивать.

Катя с горечью усмехнулась.

– Я пришла не на допрос, а к подруге.

– Это не имеет значения, – сказала Анна.

Артемьева встала. Ремешок сумки зацепился за стул, она дернула слишком резко и стул закрипел по полу.

– Зря я это затеяла. Не нужно было встречаться. – Артемьева накинула ремешок на плечо.

– Забудь, что я тебе звонила.

Стерхова покачала головой.

– Не получится.

Катя замерла.

– Почему?

Анна подняла на нее глаза. В них не было ничего, кроме ровной, холодной определенности, которая возникает, когда решение принято.

– Потому что ты сказала: «лично я».

Лицо Артемьевой дрогнуло, плечи опустились. Она поняла, что сама открыла не ту дверь. Хотела что-то сказать, но не сказала. Развернулась и пошла к выходу.

Звякнул колокольчик, дверь за ней закрылась.

Стерхова посмотрела на кофейную чашку, потом на смятую салфетку. Сидела неподвижно, чувствуя внутренний холод, тот особенный, служебный, который появлялся, когда собеседник становился процессуальной фигурой.

Артемьева позвонила не из страха перед прошлым. Она защищала настоящее.

Это было заметно по тому, как она говорила о семье – чуть быстрее, чем нужно, будто предъявляла доказательства правильной жизни. И в этой новой, удавшейся жизни не было места для старой истории.

«Ты научилась с этим жить?» – фраза Белецкой звучала в голове не голосом, а тишиной, которая остается после сказанного.

Ирина Михайловна задала Артемьевой тот же вопрос. Но по-другому, без пощечины, с ледяным требованием.

Прошлое начинало шевелиться, всплывать на поверхность.

Стерхова могла восстановить разговор по памяти. Могла превратить его в пункт: «Артемьева фактически подтвердила наличие противоречий». Могла сделать то, что сделала бы в любом другом деле.

В любом другом.

Но не в этом.

Катя сказала не «мы». Она сказала: «лично я».

«Лично я сказала следователю правду».

Анна снова и снова возвращалась к этой фразе, как возвращаются к строке в объяснении, где одно слово меняет смысл всего текста.

«Лично я».

Значит, правда была у каждого своя. А ложь – общая.

Анна смотрела в окно на школьный забор, на ветви тополей и низкое сентябрьское небо.

Выходя из кафе, она обернулась. Официантка убирала чашку, салфетку, блюдо – все, что осталось от встречи, которая длилась меньше получаса, но многое изменила.

Ветер ударил в лицо, и Стерхова глубоко вдохнула.

Она уже знала, с какой фразы начнет завтрашний разговор с Савельевым.

Глава 7

Условный допуск

Савельев читал справку долго – не пробежал глазами по строкам, чтобы уловить суть, а вчитывался так, как читают документ, который хотят оспорить: каждое слово, каждую формулировку, каждый пункт, где Стерхова могла бы выйти за пределы фактов.

Анна сидела напротив, положив руки на колени. Смотрела в окно, где за стеклом качались мокрые ветви тополей.

Савельев дочитал последний абзац и положил справку на стол. Его ладонь прикрывала текст, как будто он еще не принял решения.

– Ты понимаешь, что написала?

Голос был ровным, без нажима. Напряжение было не в самом вопросе, а в паузе перед ним.

Стерхова промолчала. Не потому, что не знала ответа, а потому, что ответ был очевиден для них обоих.

– Осознаешь масштаб дела? – продолжил полковник. В его голосе прорезалась металлическая нота. – Это не просто отказной материал. В нем есть признаки существенной неполноты. Возможно – искажения.

– Понимаю, – сказала Стерхова. – Отдаю себе отчет.

Савельев взял карандаш с затупленным грифелем. Вычеркнул строку в середине справки.

– Замени «ложная версия» на «версия, не подтвержденная материалом».

– Заменяю, – ответила она.

Полковник еще раз перечитал справку. Потом помолчал, постукивая пальцами по столу.

– Основание для дополнительной проверки есть.

Анна почувствовала, как в груди отпустило.

Савельев поднял голову и посмотрел на нее. Взгляд был тяжелым, изучающим.

– Твоих объяснений в деле нет?

– Нет, – ответила она. – Только упоминание под девичьей фамилией.

– Почему?

– Я к моменту опроса уже уехала из Москвы. Сразу после похорон.

Он кивнул. Не то чтобы одобрительно, скорее фиксируя.

– Ну, предположим, включу тебя в группу... – Полковник сделал паузу, давая понять, что это еще не решение. – Если для тебя это будет не история из собственной жизни, а противоречие в материале.

Стерхова встрепенулась.

– Постойте, Юрий Алексеевич...

Но он перебил ее, не повысив голоса.

– Ты не будешь работать по материалу одна.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри зарождается глухое сопротивление.

– Но это мой материал.

Савельев покачал головой.

– Нет. Это материал проверки.

Анна сжала пальцы в кулак, потом разжала.

– Это я обнаружила в нем дыру, – сказала она, уже не прося, а утверждая.

– Именно поэтому, – сказал полковник. – Формально проверку поручаю Вавилову. Тебя назначаю аналитиком при материале.

Стерхова хмуро смотрела на него.

– Что это значит?

– Ты готовишь вопросы. Вавилов их задает.

Она промолчала. Не согласилась, не возразила.

Савельев смотрел на нее с пониманием, но без сочувствия. Он не ждал от нее согласия.

Ему было нужно, чтобы она работала.

– С кого предлагаешь начать?

– С Хомякова.

Юрий Алексеевич покачал головой.

– Хомякова оставь на потом.

– Почему? – спросила Анна.

Полковник наклонился вперед, упершись локтями в стол.

– Прежде чем спрашивать, его нужно обложить фактами и доказательствами. – Он выдержал паузу. – Согласен: Хомяков – единственный источник формулировки «остался один». Но первым трогать его нельзя. Если начнешь с него, он успеет закрыться, связаться с другими, подготовить новую версию.

Стерхова слушала, кивая.

– Тогда Резников.

Савельев припечатал справку ладонью.

– Первым – да. – Он посмотрел на нее холодно и требовательно. – Но вопросы задает Вавилов. И если хоть раз замечу, что тебя ведет прошлое, а не ты ведешь материал, заберу его в тот же день.

Анна молчала, глядя ему в глаза. Чувствовала, как внутри все затихает – и сопротивление, и боль, и желание спорить. Остались лишь четкость и холодный расчет.

– Я поняла.

Савельев откинулся в кресле и взгляделся в ее лицо.

– Что-то еще?

Стерхова замерла, чувствуя, как затяжелело под ложечкой. Она могла бы уйти и ничего не сказать. Закрыть за собой дверь, оставить вчерашнюю встречу в тайне. Но тогда нарушение стало бы не просто ошибкой, а процессуальным сокрытием.

Положив руки на стол, полковник смотрел на нее с напряженным вниманием – не как начальник, а как человек, который понял, что услышит то, чего не хотел слышать.

– Мне нужно вам доложить, – сказала Анна.

– Валяй.

– Через мать на меня вышла Артемьева. Я допустила краткий внепроцессуальный разговор. Официальных объяснений не получала. Считаю необходимым вызвать ее в установленном порядке.

Савельев смотрел на нее тяжело, не мигая.

– Я запретил тебе любые контакты с участниками дела.

– Знаю, – ответила Стерхова.

– Это было настолько важным? – Он не повысил голоса.

– Да.

Полковник выдержал паузу. Потом спросил:

– Есть результат?

– Артемьева сообщила, что лично она сказала следователю правду.

– Только это? И ты ей поверила?

Стерхова покачала головой.

– Нет, не поверила. Но предположила, что другие что-то скрывают.

Савельев вздохнул и провел ладонью по лицу.

– Предположила...

– Виновата, – сказала Анна. – Знаю, что вам не нравится это слово.

– Нравится, не нравится... – Юрий Алексеевич покачал головой. – Дело не в этом. Нарушила приказ, да был бы толк.

Он кивнул, будто подводя черту.

– Вот поэтому формально проверку ведет Вавилов.

Стерхова подняла на него глаза.

– Я старше по званию.

– Как-нибудь разберетесь.

– Он уже в курсе?

– Да, – ответил Савельев. – Пришлю его к тебе.

Он протянул ей справку.

– Исправь и перепиши. Убери то, что я вычеркнул.

Она взяла лист и спрятала в папку.

– И чтобы без самодеятельности, – напомнил полковник.

Стерхова кивнула. Развернулась и вышла, не оглядываясь.

Вернувшись в свой кабинет, села за стол. Положила справку перед собой, открыла файл на компьютере. Заменяла в тексте строку и уже собралась печатать документ, когда в кабинет вошел Вавилов. Постучал уже после того, как открылась дверь – привычка людей, которые не ждут приглашения, но все же соблюдают формальности.

Он положил на стол папку с материалом проверки.

– По описи – сорок три листа. В папке – тридцать один.

Анна подняла на него глаза, развязала бечевки и раскрыла папку.

– Я проверила содержимое, – проговорила она, не отрывая взгляда от перечня документов. – Постановление, объяснения, протокол осмотра, СМЭ – все основные документы были на месте. Работала с материалом как с единицей хранения.

– Сегодня листы пересчитали, – сказал Вавилов. – Двенадцати листов не хватает.

Стерхова сдвинула клавиатуру. Ее ошибка казалась мелкой только на первый взгляд. При работе со старым материалом таких ошибок быть не должно.

Она повернулась к экрану. Впечатала в справку новую строку:

«Кроме смысловых противоречий, выявлено несоответствие фактической комплектности материала архивной описи».

Проверила текст, отправила на печать. Автоматически поставила подпись.

Протянула Вавилову лист.

– Завизируй у Савельева. Потом – в канцелярию.

Он взял справку и вышел из кабинета.

Стерхова сидела неподвижно, глядя на перечень. Сорок три. Тридцать один. Разница в двенадцать листов, которые не исчезли сами.

Их вынули до или после сдачи в архив.

И оба варианта были плохими.

Глава 8

Все, кроме него

Машина шла по Садовому кольцу. Сентябрьское небо над Москвой висело низко – серое, без единого просвета. Анна сидела на пассажирском сиденье, Вавилов за рулем, и оба молчали, будто слова могли нарушить то, что еще не успело сложиться.

Стерхова держала спину прямой, а голову чуть выше обычного, будто компенсируя свое положение. В этом деле она была вторым номером.

Вавилов первым нарушил тишину.

– Напоминаю: спрашиваю я.

Он сказал это сухо, без нажима, но в голосе ощущалась граница.

Анна смотрела в окно, за которым проплывали мокрые фасады домов.

– Напоминаю: вопросы мои, – ответила она. – Задавай их точно.

Вавилов кивнул, не отрывая глаз от дороги.

– У меня все записано.

– Для справки: Резников не был нашим одноклассником. – Стерхова говорила ровно, без эмоций. – Он старше нас на несколько лет. Имел катер. На нем мы добрались до лодочной станции.

– Об этом ты говорила, – сказал Вавилов.

– В заявлении матери пострадавшего он не упомянут, – продолжила Анна, и в ее голосе прозвучала та служебная точность, которая появлялась, когда возникала зацепка. – Это выглядит странно.

– Я тоже обратил на это внимание.

– В старом объяснении Резникова есть информационная пустота. Он написал, что переправил меня на другой берег, но не назвал поименно тех, кто остался на лодочной станции. И не указал, в котором часу вернулся туда сам.

Машина остановилась на светофоре. На улице моросил мелкий дождь. Капли ручейками разбегались по стеклу, искажая очертания домов.

Вавилов достал из кармана блокнот и полистал его. Пока горел красный свет, коротко доложил:

– Вот что мне удалось найти по Резникову. Много лет работал спасателем на черноморских пляжах: Анапа, Геленджик, Лазаревское. Сейчас – тренер в бассейне, учит детей плавать. Неженат.

Загорелся зеленый свет, и машина тронулась с места.

Анна смотрела в лобовое стекло, по которому щетки гоняли серую воду.

Спасатель. Всю жизнь провел рядом с водой.

Слова Вавилова отозвались болезненным спазмом. Она перевела взгляд на Вавилова. Его лицо было жестким и собранным.

Машина припарковалась у здания спортивной школы. Стерхова вышла первой, поправила пальто и направилась к входу, не дожидаясь Вавилова. Тот догнал ее уже у крыльца, но ничего не сказал – просто пошел рядом.

Стеклянные двери, блеклая вывеска. Запах мокрого бетона и хлорки ощущался еще на улице.

Внутри было влажно и тепло. Они предъявили документы дежурному и спросили про Резникова. Тот направил их к лестнице, ведущей к бассейну. Эхо детских голосов отражалось от стен задолго до того, как они подошли к бассейну.

На кафельном полу отпечатались мокрые следы детских ног и валялись разноцветные шлепанцы. Металлические лестницы уходили в голубоватую воду. Мальчики – человек десять-двенадцать – плавали кролем на дорожках. У края бассейна стоял мужчина в майке и шортах. На шее висел свисток.

Анна узнала его не сразу. Рыжие волосы поседели, веснушки поблекли, но фигура осталась та же – подтянутая, жилистая. Резников был крупным мужчиной, в нем ощущалась собранность и готовность к непредвиденной ситуации.

– Выдох в воду! – крикнул он громко. – Не в потолок! Работай руками, Корнеев! Вода сильнее тебя!

На соседней дорожке мальчишка лег на спину. Резников пронзительно свистнул.

– Елисеев! Сниму с дорожки!

Мальчишка послушно перевернулся и поплыл дальше.

Заметив непрошенных гостей, Резников спросил:

– Что вы здесь потеряли?

Вавилов шагнул вперед и предъявил удостоверение.

– Капитан Вавилов. Следственный отдел. Проводим дополнительную проверку по материалу 2003 года.

Резников скользнул взглядом по документу, по лицу Вавилова, затем перевел его на Стерхову и на мгновение замер.

– Аня? – Голос потерял командную жесткость. – Ты здесь зачем?

– Присутствую как эксперт-аналитик, – ответила она.

Резников снова посмотрел на Вавилова, его губы сжались.

– Вот оно как, – сказал и поднес свисток к губам. Пронзительный звук прорезал воздух, заглушая плеск воды. – Тренировка закончена! Все в раздевалку!

Тренерская комната была небольшой, с единственным окном, выходившим не на улицу, а в коридор. На стенах висели грамоты, расписания и фотографии.

Вавилов достал из портфеля бланк, сел за стол. Анна устроилась у стены, на пластмассовом стуле. Вынула блокнот, положила его на колени. Резников сел напротив Вавилова. В его позе была настороженность.

Следователь взял ручку.

– Как я уже сказал, в настоящее время проводится дополнительная проверка по материалу 2003 года по факту гибели несовершеннолетнего Белецкого.

Резников молча кивнул.

– Я изучил ваше объяснение, и у меня остались вопросы, – продолжил следователь.

– Если остались – задавайте, – ответил Резников. – Но предупреждаю: многое забылось, могу быть неточным.

– Тогда давайте приступим. Первый вопрос: кто остался на лодочной станции, когда вы с Зайцевой уплыли на катере?

Ответ не последовал. Пауза затянулась на несколько секунд. Резников перевел взгляд с Вавилова на Анну и обратно.

– Все, – сказал он. – Все, с кем мы туда приехали. Разумеется, кроме меня и Зайцевой.

– Можете назвать всех поименно?

– А разве в моем первоначальном объяснении нет фамилий? – Резников чуть прищурился, голос прозвучал острее.

– В вашем объяснении этого нет, – сказал Вавилов.

– Ну, хорошо. На лодочной станции остались: Катя Артемьева и Женя Минаева со своим парнем Игорем Хомяковым.

– Вы не упомянули Белецкого. – Следователь произнес это спокойно, без нажима.

За стеной кто-то засмеялся, хлопнула дверь раздевалки.

Резников слегка качнул головой.

– Точно! Валька тоже остался. Я видел его на пирсе, когда отплывали на катере.

Стерхова опустила взгляд. Теперь, спустя двадцать три года, эту картину помнили двое: она и Ричи. И это была их общая память.

– Вам известно, кто первым сказал, что Белецкий остался на лодочной станции один? – спросил Вавилов.

Резников снова взглянул на Анну. Она не ответила – смотрела на грамоту, висевшую на стене.

Он коротко бросил:

– Точно не мы.

Стерхова и Вавилов быстро переглянулись. Эта фраза, занесенная в объяснение, сдвинула старую версию даже не в сторону. Сдвинула вниз. Слова «остался один» прекратили быть фактом и стали удобной формулировкой, которую приняли, потому что так было проще. Если Резников говорил правду, у этой версии не было очевидцев. Был только источник.

– Что значит – не вы? – уточнил Вавилов.

– Никто из нас так не говорил, – повторил Резников. – Я спрашивал у ребят. Все сказали, что разошлись кто куда. Где был Валька и что с ним случилось – никто не знал.

Вавилов записывал бегло, без помарок, ровным уверенным почерком.

– Когда вы вернулись на лодочную станцию?

– В тот же день. Вечером.

– Где провели день?

– Дела были в городе.

– Расскажите подробнее.

Резников снова взглянул на Анну, словно сверяясь.

– Зайцева уехала на автобусе без меня. Я задержался на берегу. Ждал механика, чтобы тот посмотрел мотор.

– Он сможет подтвердить?

Резников поднял руку и проверил свисток, висевший на шее. Потом отвернулся, будто прислушиваясь к чему-то далекому.

– Вряд ли. Прошло столько лет.

Следователь записал, потом поднял голову:

– Так во сколько вы вернулись на лодочную станцию?

– Я же сказал – вечером.

– Точнее.

Резников снова прикоснулся к свистку.

– Было уже темно.

– Кто был на станции?

– Все.

Стерхова оторвала глаза от блокнота. Это «все» прозвучало не впервые и было удобнее фамилий. За ним исчезали лица, порядок действий и тот, кто первым написал слова «остался один». «Все» не отвечало на вопросы. Оно снимало ответственность со всех и с каждого по отдельности.

– Белецкий тоже там был? – продолжил Вавилов.

Резников сделал вдох и задержал его на секунду – как перед нырком. Потом шумно выдохнул.

– Его уже не было.

– Вы сказали, что в момент вашего возвращения на станции были все, – уточнил следователь. – Потом сказали: Белецкого не было. Так «все» – это кто?

– Артемьева, Минаева, Хомяков.

– Спросили у них, где Белецкий?

Резников чуть заметно пожал плечами.

– Спросил.

– И что вам ответили?

– Сказали, психанул и ушел.

– Это было вызвано ссорой с Зайцевой?

– Он еще с кем-то поругался. – Резников покачал головой. – С кем конкретно – не знаю.

Меня с ними не было. Помню, что лицо у Артемьевой было заплаканным.

Стерхова записала в блокнот:

«Почему плакала Катя?»

Эти слезы не укладывались в прежнюю схему: ссора с Анной, бегство, несчастный случай. Значит, в тот вечер произошло что-то еще.

Вавилов написал короткую строчку, потом спросил:

– Вы искали Белецкого?

– Зачем? – Резников удивленно приподнял брови. – Я в няньки не нанимался.

– Испытывали к Белецкому неприязнь?

Он усмехнулся.

– Не особо его любил. Белецкий был правильным мальчиком. А правильные мальчики уверены, что мир должен прогибаться под них.

Следователь оторвал ручку от бумаги, словно сомневаясь, стоит ли записывать последнее утверждение.

Резников махнул рукой:

– Пишите: я не испытывал к Белецкому неприязни.

Вавилов записал, потом спросил:

– Кто-нибудь из вас употреблял алкоголь?

– Все употребляли, – ответил Резников. – А что еще там было делать?

Снова «все». Теперь это слово прикрывало степень опьянения. Кто пил больше, кто меньше, кто мог держаться на ногах, а кто уже не отвечал за свои действия.

– Что пили и сколько?

– Этого я не помню.

Вавилов задал еще один вопрос:

– Если бы Валентин Белецкий случайно упал с причала и звал на помощь, остальные могли бы его услышать?

Резников помолчал, обдумывая.

– Если бы звал, они бы слышали.

– А если не звал?

Стерхова на мгновение задержала дыхание.

Резников ответил не как участник событий, а как человек, который знал о чем говорит:

– Тонущие редко зовут. Дыхание и голос быстро уходят.

– Когда вы покинули лодочную станцию? – спросил Вавилов.

– Тем же вечером. Хотя планировали уезжать в воскресенье.

– Что вызвало преждевременный отъезд?

– Все были взвинчены. Никто не хотел оставаться еще на одну ночевку. – Резников мрачно усмехнулся. – Никто не хотел ждать Белецкого. В пяти километрах от лодочной станции находился дачный поселок. Оттуда ходила маршрутка. С пересадками, в объезд, Валька мог добраться до дома.

Вавилов выдержал паузу – не длинную, но достаточную для того, чтобы следующий вопрос прозвучал не случайным.

– С Екатериной Артемьевой вы расстались после гибели Белецкого?

– Да.

– Она бросила вас? Или вы ее?

Резников опустил голову и тихо протянул:

– Ну уж нет... У богатых девочек красивые расставания. Они никого не бросают. Они «не хотят никого обманывать».

Вавилов сухо заметил:

– Мне нужны не обобщенные выводы, а ваши слова.

Резников поднял голову и посмотрел на Анну.

– Артемьева бросила меня в день Валькиных похорон.

Глава 9

Количество листов не указано

Они сели в машину и одновременно хлопнули дверцами – в салоне сразу стало удушливо от запаха хлорки, впитавшегося в одежду. Стекла запотели от влажности и тепла, скрывая улицу за мутной пеленой.

Вавилов положил исписанный бланк на руль и посмотрел на Анну.

– Сверимся?

Она достала блокнот, открыла и зачитала:

– Первое. Выяснить, с кем поссорился Белецкий в отсутствие Резникова. Второе: почему Артемьева плакала и почему бросила Резникова сразу после похорон.

Придерживая бланк рукой, Вавилов кивнул.

– И еще: дачный поселок в пяти километрах от лодочной станции. Надо проложить возможный маршрут до места обнаружения тела. В старом материале этого нет.

Стерхова протерла рукой лобовое стекло.

– Необходимо запросить заключение гидролога. Расчет места попадания тела в воду с учетом скорости течения, рельефа дна и линии берега.

– Его могли бросить в воду у водосброса уже мертвым, – сказал Вавилов.

– Причина смерти – утопление. – Она произнесла это ровно, без эмоций. – Значит, Белецкий был еще жив.

Анна закрыла блокнот и сунула в сумку. Пальцы зацепились за что-то скользкое. Она вынула руку. В пальцах была зажата красная лента, та самая, с ярмарки.

Она обмотала ленту вокруг запястья и затянула узел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.